

ОТКРОЙТЕ
ФОРТОЧКУ,
ГОСПОДА!

ЛЮДМИЛА БАСОВА

Людмила Басова

Откройте форточку, господа!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Басова Л.

Откройте форточку, господа! / Л. Басова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Фатальная встреча с шаровой молнией помогла Саше раскрыть загадочное убийство, над которым ломали головы жители маленького подмосковного городка и столичные сыщики. Страшная тайна так поразила юношу, что он решился уйти из жизни, однако попытка не удалась. Беседы с врачом психиатрической больницы, где он наблюдался, сыграли немаловажную роль и для пациента, и для врача. Анне Павловне Саша напомнил погибшего от передозировки наркотиков сына: смириться с тем, что она – мать и хороший врач-психиатр, упустила своего ребенка, у нее не получалось... Оставаясь наедине с собой, она выпивала стакан водки и горько иронизировала, что из знающего специалиста она может скоро оказаться пациенткой клиники. Но Сашина неокрепшая душа и страх его повторного суицида «держали» Анну Павловну. Они научились понимать друг друга, и страшную тайну, тревожившую мальчика, удалось раскрыть вместе.

© Басова Л.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Людмила Басова

Откройте форточку, господа!

Саша проснулся от боли в правой руке. Открыл глаза, увидел над собой белый потолок в мелких трещинках и закрыл их снова. Вспомнил, что находится в психушке, куда его привезли после неудавшейся попытки покончить с собой. Боль опять напомнила о себе. Видимо, во сне неловко повернулся. Левая рука почти не болела, да и порез на запястье был просто заклеен пластырем, тогда как правая перебинтована. Оно и понятно: левой рукой вскрывать вены было неудобно, тем более из нее уже хлестала кровь. Кроме того, Саша тогда запаниковал, испугался, что вообще ничего не получится, и всадил лезвие что есть силы. Видно, распахал глубоко. Смутно помнит, что рану зашивали.

Прислушался к себе. Радости оттого, что остался жив, не было. Но и острое желание уйти из жизни тоже пропало. Скорее чувство неловкости. Неудачная попытка самоубийства выглядит как фарс. Хотя на спасение он не рассчитывал. Помог (или помешал) случай. Отец вернулся совершенно в неурочное время, но вот успел...

С усилием сел, затем поднялся с кровати. Осторожно, придерживаясь за стену, дошел до туалета. Кружилась голова. Наверное, потерял много крови. Вернувшись, постарался лечь поудобнее, оберегая больную руку, и, видимо, задремал. Услышал звук придвигаемого стула и, чуть приоткрыв глаза, сквозь ресницы, увидел сидящую рядом женщину в белом халате и колпаке. Вчера был другой врач, мужчина, но тот, скорее всего, терапевт. Слушал сердце, мерил давление, а это, должно быть, психиатр. Значит, полная боевая готовность. Взвешивать каждое слово, чтобы не сказать о главном, не выдать свою тайну, но и не показаться психом, не выйти из этих стен с определенным диагнозом.

– Саша, вы ведь не спите?

Скорее утверждение, чем вопрос. Но он чуть помедлил с ответом, чувствуя на себе изучающий взгляд. Пусть посмотрит. Саша знал, как выглядит со стороны. Когда был мальчиком, о нем говорили: какой хорошенький... Когда подрос, стали называть красавчиком. Да, именно так: не красавцем, а красавчиком. У него правильные черты лица, бледная, матовая кожа, высокий лоб. Волосы темно-русые, волнистые, над правым виском седая прядь, и о том, как она появилась, ему еще предстоит рассказать. На подбородке ямочка. Но сам себе Саша не нравился. Лицо кажется слишком нежным для 17-летнего юноши, в нем явно не хватает какой-то завершенности, большей очерченности, твердости. Вот фигурой он более доволен. Хорошо сложен, по спортивному подтянут, мускулист. Но сейчас всего этого не видно, только покалеченные руки вытянуты вдоль тела поверх одеяла.

Ладно, доктор не видела еще его глаз. Они синие, и в контрасте с черными ресницами кажутся очень яркими. Пора просыпаться...

– Здравствуйте, доктор! Я действительно задремал.

– Вы не против пообщаться со мной, побеседовать?

– Наверное, это необходимо? Но я в любом случае с удовольствием пообщаюсь с вами.

А то уже вроде как заскучал. Кстати, почему я в палате один?

– Отец ваш попросил.

– В смысле – оплатил?

– Да, и оплатил, конечно. Вы бы хотели лежать с другими больными?

– Еще не знаю, не понял. Наверное, нет. А вы не боитесь, что я захочу повторить попытку суицида? Один-то, без присмотра.

– Вряд ли у вас это получится. Окна за решеткой, порвать простыню и завязать узел с такими руками тоже невозможно. Кроме того...

– Камера слежения. Так ведь?

- Ну, и это тоже.
- Спасибо за откровенность.
- Надеюсь, вы тоже будете откровенны со мной.
- Я постараюсь.
- Тогда, может быть, расскажете, что толкнуло вас на такой отчаянный шаг?
- Боюсь, что пока не получится, потому что сам еще не осмыслил, не понял.

Саша встретился глазами с доктором. Понял – не поверила. Подумал: это мой детектор лжи. Она из тех, кто, скорее всего, умеет отличить ложь от правды. Очень уж умный и чуткий взгляд у этой женщины. И Саша еще не знает, хорошо это или плохо. Но он тоже детектор: всегда поймет, поверила ли она ему или нет.

- Ну что же, тогда поговорим на отвлеченные темы.

– Вот это, пожалуйста. Отец вам, наверное, рассказал, что я очень много читал? Как научился читать, а это было в 5 лет, так уже и не останавливался. Причем, до определенного возраста читал все без разбора. Кстати, из области психиатрии тоже. Фрейд, Фромм, Юнга... Может, чувствовал, что попаду в психушку? У меня голова, как помойка... Ой, простите, неэтичное сравнение. Ну, пусть, как компьютер, забитый информацией без всяких программ и систем.

– Саша, я понимаю, что вы Можете быть интересным собеседником. Но про психиатрию я, как вы догадываетесь, сама кое-что знаю, так что Бог с ним, с Фрейдом. Просто если мы найдем точки соприкосновения, станем понимать друг друга, я, скорее всего, смогу помочь вам. Кроме того, признаюсь, вы интересуете меня как личность. Когда-то я работала над кандидатской диссертацией на тему: «Дети индиго, дети-феномены...» Вы сами себя таковым ощущаете?

Саша помедлил с ответом. Нет, скрывать тут было нечего. Просто повторил про себя вопрос доктора, задумался.

– Доктор, что-то во мне не так. Но не знаю, феномен я или нет. Все началось с молнии. Отец вам рассказывал?

– Да, но мне хотелось, чтобы вы сами рассказали об этом событии. Мне интересно ваше детское восприятие.

– Я родился недоношенным, был очень слабеньким и почему-то до пяти лет не ходил самостоятельно. Но это, как вы понимаете, из рассказов взрослых. А вот встречу с молнией помню. Я спал в своей кроватке, была ночь, и вдруг почувствовал какое-то тепло. Открыл глаза, и меня ослепило маленькое солнышко, висевшее над кроваткой. Так мне тогда показалось. Сразу зажмурился, а когда опять открыл глаза, солнышко было уже где-то под потолком – медленно двигалось по комнате. Тогда я поднялся, встал на ножки совершенно легко, даже не осознавая этого, и стал тянуться к нему руками. Оно словно играло со мной. То приближаясь, то опять поднимаясь вверх, а потом вылетело в окошко. После этого я спал целые сутки, родители испугались, вызвали врача, но тот тоже не мог понять, что со мной. А еще всех напугала белая прядь, появившаяся над правым виском. Волосы у меня были даже в том возрасте очень густые, волнистые и меня не стригли коротко. Когда я, наконец, проснулся, то стал рассказывать и врачу, и отцу с матерью про солнышко, все говорили: это тебе приснилось. Хотя седая прядь озадачила, а уж когда я встал на ноги и пошел, родители были не только обрадованы, но даже вроде как испуганы. Помню, отец взял меня на руки и вдруг заплакал, а потом, видимо, смутившись, отошел к окну, повернулся спиной, отдернул штору, стал смотреть на улицу и вдруг закричал:

- Это правда, правда! Лика! Иди сюда!

Мама подхватила меня на руки и подошла к отцу. Я увидел, что отец дотрагивается пальцем до стекла, а палец проходит сквозь него, и ничего не мог понять. Оказывается, в

оконном стекле появилось круглое отверстие, размером в теннисный мячик, оплавленное по краям. – Шаровая молния! Это же шаровая молния, которая пришла к нашему мальчику!

– Но это же страшно! – Маму просто трясло. – Это же страшно! Она могла убить его. И сжечь наш дом!

Тогда отец так сердито прикрикнул:

– Что ты несешь! Она пришла, чтобы помочь нашему сыну!

– И после этого что-то стало меняться?

– Так говорят... Быстро окреп, встал на ноги, легко выучился читать и производить в уме достаточно сложные математические действия.

– То есть встреча в детстве с ночной гостьей сказалась на вас благотворно. Отчего же после того, как она вторично посетила вас, вы решили покончить с собой?

«Детектор лжи» сняла очки, положила их на колени, придерживая тонкими, красивыми пальцами. Лицо без очков оказалось совсем другим, намного моложе, чем показалось сначала. Хотя лет сорок ей, пожалуй, есть. Взгляд серых глаз располагающий, мягкий. Но за всем этим проглядывается печаль. Не по нему же она печалится! Что-то свое, затаенное... «Стриптиз» с очками маневр явно отвлекающий. В какое-то мгновение Саша едва не признался: я стал видеть вещие сны. Один из них был страшным... Я увидел, как убивают молодую девушку, узнал убийцу, понял, что все это – правда, но что делать с этой правдой и как с этим жить дальше – не знаю. Ощущение тупика и безвыходность, потому что убийца... Нет-нет, нельзя даже додумывать, даже мысленно называть имя... Пересилил себя, плотно сжал губы, закрыл глаза.

– Я не уверен, что случившееся со мной связано со вторым посещением молнии...

Доктор не поверила пациенту. Пациент это понял.

Игра в «верю – не верю» продолжалась. Хотя врать Саше почти не приходилось. Кроме вещих снов ему, собственно, скрывать было нечего. Впрочем, вещих – это, пожалуй, неправильное определение. Его сны еще ничего не предсказывали, а приоткрывали страницу уже содеянного, пережитого. Причем, пережитого не им.

После первой беседы Саша стал ловить себя на том, что с нетерпением ждет прихода доктора. А когда оставался один, мысленно проговаривал диалог за себя и за нее, пытаясь проанализировать сказанное.

* * *

– Саша, чего вы больше всего боялись в детстве. Если, конечно, вообще боялись.

– Очень многого. Темноты, одиночества, а еще когда пристрастился к чтению, очень боялся читать Гоголя, ну, знаете, «Вий», «Страшная месть», а подростком Кинга. Но они меня влекли неодолимо. Ну, а больше всего – оборотней.

У доктора в глазах некоторое недоумение, и Саша торопится объяснить.

– Нет, не тех, кто в погонах, а настоящих. Ведь пока веришь в них, они настоящие, не так ли? Однажды сидел на лавочке со старушками, – мама, видно, оставила и просила присмотреть за мной, и наслушался... Будто жил когда-то в их деревне мужчина, с виду вполне нормальный, даже симпатичный, был хорошим плотником и печи клал, а ночью превращался в зверя. Только разоблачили его нескоро. Стали в селе девушки пропадать, находили их истерзанные тела в глухом лесу. И никаких примет убийцы-человека. Следы рядом с преступлением были похожи на следы крупного волка, шеи девичьи клыками изрезаны, но все девушки были иродом изнасилованы. Вот этого слова я тогда не знал, но понимал, что одно с другим как-то не сходится, милиция билась над этой разгадкой несколько лет, пока одна из местных колдуний якобы не присоветовала последить за тихим мастеровым. Так разоблачили оборотня, а потом убивали всей деревней, осиновый кол в сердце загоняли.

Слово оборотень я понял буквально: вывернутый наизнанку. У меня игрушка была – медвежонок плюшевый. И я, чтоб понять, как это делается, распорол его, вытряхнул опилки, вывернул. С внутренней стороны ткань была гладкая, шелковая... И я подумал, что оборотень внутри тоже с шерсткой, а когда превращается в человека, все видят только его гладкую кожу. И вот представьте себе, однажды папа взял меня на руки, обнял, я прижался к его щеке, и вдруг вижу, а у него из ушей, изнутри как-то, волоски торчат. Потом-то я узнал, что почти у всех мужчин они есть, но увидел впервые у него, и закричал, забился в истерике, никто ничего понять не может, и стал бояться своего папы. Вот такая была глупая история. Папа у меня добрейший человек, и уж меньше всех похож на оборотня.

– А потом, Саша, вы встречали людей, которые походили на оборотня? Ну, могли быть таковыми уже в другом, моральном плане?

Секундное замешательство, потом торопливо:

– Нет, нет... Ну, разве как все, по телевизору. Полковники из МУРа и так далее.

Казалось, что детектор лжи щелкнул. Не поверила. Ну и пусть.

* * *

– Саша, я принесла вам рисунки. Ну, не совсем рисунки, а как говорят дети, каляки-маляки... Посмотрите, что вы на них видите? Какие образы возникают?

– Доктор, вы замучаетесь слушать, чего я только в них не вижу! Да зачем эти каляки? Я когда гляжу на потолок, столько всего вырисовывается из его трещинок и щербинок... Вот прямо надо мной лик Христа. Не видите? Ну, для этого, наверно, надо лечь со мной рядом. Простите, я имел в виду угол зрения. А там, в углу, дьявольская рожа. С рогами, да, но не очень страшная, плутоватая. Инопланетянка в прозрачном шлеме. Такая грустная. Иногда кажется, что она хочет мне что-то сказать. А вот лицо девушки. Очень порочной...

– Почему она вам кажется такой?

– Трудно объяснить. Изгиб губ, а главное, глаза... Они должны быть черными, но на потолке нет черных красок, и оттого они белые, причем это их истинный цвет.

– Поясните свои мысли.

– Ну, например, вы видите черноглазую девушку, живую, но цвет радужки у нее обманчивый. Как косметика, как тушь на ресницах. Но когда-то она может предстать в своем истинном облике, и это будут белые, страшные глаза.

– Белый цвет вас пугает?

– Вовсе нет. То есть бывает, что пугает, но он ведь очень разный. Хотя не такой загадочный, как серый.

– А чем загадочен серый?

– Тем, что не сам от себя зависит. Знаете, как прекрасны бывают серые глаза? У вас ведь серые, не так ли? Вы почему-то прячете их под тяжелыми очками... Да и обычная ткань серого цвета может быть очень красивой. А мне приснились сегодня серые розы. Это было ужасно... Воплощение... не печали, нет, – печальными могут быть желтые, голубые, да любые цветы. Тоски. Да, тоски...

– Вы придаете снам большое значение?

Не торопиться, надо не торопиться. Его детектор лжи, его полиграф, скорее всего, сознательно подводит разговор ко снам. Но доктор еще не поняла, что они почти сравнялись в своих возможностях. Саша теперь сам чувствует, когда она лукавит, когда уходит от ответа, как попросту говорит неправду.

* * *

– Доктор. Мне хочется погулять по двору, но не под присмотром санитаров, а с вами. Можете устроить мне такой маленький праздник?

Полиграф колеблется. Но все-таки она не машина в чистом виде, а человек, женщина. Надо чуть поднажать.

– Я сегодня стоял у окна, смотрел. Дворик такой хороший, листья на деревьях нарядные, опадают... Люди сидят на скамеечках, по аллеям прохаживаются. Значит, прогулки разрешаются? Я бы пообщался с ними.

– Знаешь, Саша, душевнобольные малоприятные в общении люди. Это только Офелия в «Гамлете», потеряв разум, остается прекрасной... А так – «не дай мне Бог сойти с ума, лучше посох и сума»...

– Да, я знаю. Это Пушкин.

– Но мы с вами погуляем. Денька через два. Сейчас вы слишком слабы.

* * *

Анна Павловна никогда не торопилась домой – ее там никто не ждал. Разве что две маленькие радости, которые она не могла себе позволить на работе. Транспортom пользовалась редко, разве уж совсем в непогоду. Но дорога занимала немного времени, жила доктор в двух кварталах от больницы.

Раздевшись в прихожей, сразу прошла на кухню, достала из холодильника бутылку водки, налила полный граненый стакан. Еще раз заглянув в холодильник, нашла кусок колбасы и два помидора, крупно порезала. Хлеба дома не было, по дороге не вспомнила, не купила. Присела на табуретку, выпила медленно, не морщась, весь стакан, вяло зажевала колбасой, помидора почему-то не захотелось. Подождала, когда алкоголь чуть притупил сознание, снял напряженность. Это она называла первой радостью. Достала из ящика буфета пачку сигарет, – радость вторую, прикурила и пошла в зал. К водке Анна Павловна за вечер больше не притронется, сигареты выкурит, всю пачку. Надо только влезть в домашние тапочки, поудобнее устроиться в кресле за журнальным столиком. Садится она всегда в то кресло, которое стоит по правую сторону столика. Напротив, по левую, такое же кресло, только пустое. Пока пустое... Сейчас алкоголь и сигареты возьмут свое, за окном сгустятся сумерки, и тогда она отчетливо увидит на нем силуэт Славика. Он будет сидеть в той же позе, в которой Анна Павловна увидела его пять лет назад мертвым. Со склоненной вбок головой, беспомощно повисшими руками. Славику было восемнадцать лет и погиб он от передозировки наркотиков. При матери психиатре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.